

ÃËÄÅÄ III

ÔÎΘÌ ÈÐÌÄÄÍ ÈÅ ÄÄÐÄËÑËÎÄÏ
ÄÄÒÄËÛÏÄ

23 августа 1917 г. о формировании «Еврейского батальона» было официально объявлено в лондонской *Gazett*, а командующим этим подразделением был назначен я. Тогда же власти официально дали нам понять, что батальон получит особое еврейское наименование и кокарду.

Прослышав об этом решении, санаваллаты без промедления взялись за дело. Они деятельно совещались, рассылали во все стороны письма всем тем лицам, которые могли оказать им содействие. В результате 30 августа 1917 г. к лорду Дерби⁴⁵, тогда занимавшему пост военного министра, явилась депутация — выразить протест против предложенных названия и кокарды еврейского батальона, да, собственно, и вообще против создания еврейского батальона как такового⁴⁶.

Один из членов этой депутации дошел до того, что заявил лорду Дерби, будто сам лорд Ротшильд, глава влиятельного еврейского семейства, к которому, как к виднейшему представителю еврейства, мистер Бальфур впоследствии обратился со своей знаменитой Декларацией, также возражает против создания еврейского батальона. Лорд Ротшильд впоследствии заверил меня, что это не соответствовало истине: как только создание еврейского батальона было официально одобрено британским правительством, он, как еврей-патриот, счел своим долгом поддержать это начинание и сделать все от него зависящее, чтобы оно увенчалось успехом. Мы многим обязаны лорду Ротшильду за его неутомимые усилия по обеспечению жизненных нужд еврейских батальонов с первого же дня их формирования.

Итогом визита этой депутации стало то, что название «Еврейский батальон» было отвергнуто и кокарда батальону была присвоена нееврейская. Все еврейские батальоны должны были отныне именоваться королевскими стрелками. Впрочем, наши достойные друзья могли бы и не трудиться и уж тем более не отрывать от дел военное министерство, потому что с самого момента своего формирования батальоны пусть и носили официальное название ко-

Владимир (Зеев) Жаботинский

Хаим Вейцман

Иосиф Трумпельдор

Элиазер Марголин

ролевских стрелков, но в повседневном обиходе все как один и совершенно повсеместно называли их исключительно «еврейскими батальонами».

Лорд Дерби совершил ошибку, решив, что эта горстка богатеев представляет все еврейское население. Никто еще не допускал столь серьезного просчета, поскольку, по своему опыту, могу сказать, что эти люди совершенно не отдают себе отчета в том, как мыслят и что чувствуют большинство евреев. Да, мой рассказ был бы совсем иным, если бы люди, подобные этим, приняли и одобрили британскую политику! Обладай они большей широтой взглядов, они сказали бы друг другу: «Нам не нравится эта политика. Она может отрицательно сказаться на нашем благосостоянии, но это политика Англии, а Англия в опасности, и, соответственно, мы должны объединить усилия и поспособствовать ее успеху».

Даже если они опасались, что эти евреи из России и Польши не станут должным образом соблюдать еврейские традиции, они могли бы пойти к военному министру и поведать ему о своих страхах, сказать, что поскольку для блага мирового еврейства совершенно необходимо, чтобы этот эксперимент — создание еврейских батальонов — прошел удачно, они хотят заручиться личным содействием министра в этом вопросе. Они настоятельно просят, чтобы, по крайней мере, четверть личного состава каждого батальона состояла из английских евреев, которые уже послужили во Франции и, соответственно, смогут передать необходимый и крайне ценный опыт евреям-новобранцам. Этот опыт, а также надежный костяк евреев-англичан в каждом батальоне обеспечили бы одно: батальоны вписали бы героическую страницу в историю евреев!

Вместо этого на пути к успеху нам чинили всевозможные препятствия. Заинтересованные группировки шныряли по лондонскому Ист-Энду⁴⁷ и крупным провинциальным городам, убеждая молодых евреев не записываться в наши батальоны. Даже во Франции солдаты-евреи, служившие в разных подразделениях, слышали от местных евреев — которым вроде бы не к лицу были такие речи, — что им ни в коем случае не следует просить о переводе в еврейский батальон. В итоге набор личного состава шел чрезвычайно медленно, и вместо того чтобы сформировать еврейский легион в течение нескольких недель — что было несложно, ведь только в Англии насчитывалось около 40 тысяч молодых евреев, — у нас ушло целых четыре месяца на комплектование единственного батальона.

Как-то раз я совершенно случайно столкнулся в военном министерстве с одним из самых влиятельных членов санаваллатской

депутации и по ходу разговора поинтересовался у него, почему он так сильно противится созданию еврейского батальона. Он ответил, что не доверяет евреям из России и боится, что они навлекут позор на все еврейство. Я заметил, что, по итогам моих собственных наблюдений в Галлиполи, я куда больше, чем он, доверяю евреям из России и совершенно уверен, что смогу сделать из них прекрасных бойцов. Собеседнику моему хватило любезности ответить: «Ну, возможно, под Вашим руководством они превратятся в неплохих воинов, но ведь тогда они могут завоевать Палестину, а я не хочу, чтобы меня насильно отправили туда на жительство». Я ответил, что его опасения на этот счет совершенно безосновательны. Он возразил, что далеко в этом не уверен, ибо, если у евреев появится собственное отечество, на них, скорее всего, станут оказывать давление, чтобы все они переселялись именно туда, из чего явственно следует, что эти богатые и удачливые евреи совершенно не позаботились обдумать данный вопрос, поскольку в задачи сионистского движения отнюдь не входит насильно заставлять кого-либо ехать в Палестину, да и невозможно расселить четырнадцать миллионов человек в узких пределах их древнего отечества.

Когда мой собеседник-пессимист заявил, что эти еврейско-иностранные ни на что не годятся и только опозорят лучшую часть еврейства, я принял для себя внутреннее решение: когда-нибудь я докажу ему, что его столь презираемые братья-евреи из России и других стран могут стать столь же грамотными и всесторонне подготовленными бойцами, как и любые другие солдаты британской армии. По мере чтения этих записок перед читателем будет проходить история тридцать восьмого еврейского батальона, и он убедится, что мои ожидания сполна оправдались, ибо батальон наш в учебе, на марше, в сражениях, да и вообще во всей военной игре ничем не уступал любому другому армейскому батальону.

Удивительный факт заключается в том, что, насколько мне было известно, Исполнительный комитет сионистской организации, за одним благородным исключением в лице доктора Вейцмана, смотрел на нас с подозрением⁴⁸. Его членам не нравилась идея создания еврейских батальонов. То, что лидеры сионизма не осознали и не восприняли от всего сердца этот дар британского правительства, направленный на продвижение к их заветной цели, служит одним из показательнейших примеров их глухоты, с какими мне лично довелось столкнуться. Вот перед вами множество энергичных энтузиастов, готовых посвятить свою жизнь возвращению Святой Земли ее исконным владельцам, а они шарахаются, хотя

Плакат вербовочной кампании в Ист-Энде: «У Старой и Новой Родины должны быть Вы! Присоединяйтесь к еврейскому движению».

крайне действенное оружие, способное вернуть им их отчизну, буквально всовывают им в руки. Я убежден: положение сионистов на мирной конференции после подписания мира было бы совсем иным, если бы они могли с гордостью напомнить, что в Палестине сражалось пятьдесят тысяч солдат-евреев, а не пять тысяч, которые реально оказались там только к концу боевых действий!

Я знал: доктору Вейцману хватает проницательности, чтобы предвидеть, каким мощным подспорьем для его дипломатии может стать наш легион, но, увы, мнение Совета сионистов по данному вопросу долго не совпадало с его мнением, а когда совпало, было уже слишком поздно. Я пытался, как мог, воздействовать на некоторых вождей сионистов и потратил немало времени на то, чтобы переубедить одного преданного своему делу и сильного духом еврея, который был глубоко заинтересован в возрождении Палестины. Мне, собственно, казалось, что я убедил его стать в ряды сторонников легиона, ибо по ходу нашего разговора лицо его освещалось радостью при упоминании тех возможностей, которые могли открыться в итоге; однако, увы, когда я его покинул, ход его мыслей вновь переменился. Некоторые представители сионистов, например, Джозеф Коэн, полностью сознавали, какие преимущества они получат в том случае, если еврейский легион поможет отво-

евать Палестину у врага, — и эти люди неустанно трудились на благо нашего дела.

Владимир Жаботинский твердо верил в присловье: Бог помогает тем, кто помогает себе, а потому был убежден, что еврейский легион обязательно должен участвовать в борьбе за возвращение древнего еврейского наследия. Евреям повезло, что глашатаем их идей был именно Жаботинский, поскольку если бы ни один еврейский отряд не сражался в Палестине, если бы на кладбище на Масличной горе⁴⁹, как и на всех кладбищах Египта и Палестины, не оказалось ни одной еврейской могилы, это стало бы вечным попреком народу Израиля, и я сильно сомневаюсь, что на мирной конференции решили бы, что уже пришло время вернуть евреям землю их предков. Я убежден, что если бы чаяния Жаботинского о создании более представительного легиона осуществились в полной мере, положение доктора Вейцмана за столом переговоров на мирной конференции было бы куда прочнее.

Однако к чести британского еврейства следует отметить, что подавляющее большинство евреев из Англии от всей души поддерживали политику правительства, и я невероятно горжусь тем, что практически впервые за всю еврейскую историю со времен Иуды Маккавея и Шимона Бар-Кохбы появились батальоны еврейской пехоты — и они пошли в бой против общего врага в Палестине.

К чести английского еврейства служит и то, что депутация представителей широкой еврейской общественности затребовала и добилась встречи с военным министром с целью отстоять еврейское название и кокарду для батальона. Встреча состоялась 5 сентября, возглавлял депутацию член парламента мистер Д. Кили⁵⁰ (нееврей), в состав ее входили капитан Рэдклиф Саламан, доктор Эдер, господы Элкин Эдлер, Джозеф Коэн, Л. Гринберг, М. Ланда. Однако лорд Дерби уже склонился на сторону первой депутации, и представителям еврейской общественности он смог лишь пообещать, что если батальон отличится на поле боя, он получит еврейское наименование и еврейскую кокарду. Депутация также получила санкцию военного министра на то, чтобы обеспечивать батальон кошерной пищей и сделать субботу днем отдыха. Кроме того, лорд Дерби пообещал, что, по мере возможности, в батальоне будут соблюдаться все еврейские праздники, а также, если позволит военная обстановка, еврейские отряды будут использоваться только в Палестине. Как именно батальоны отличились и как получили еврейское название и еврейскую кокарду, будет в подробностях рассказано в следующих главах.